

цегомъ ди-Кринола! А самъ онъ объ этомъ ничего не зналъ. Я совершенно увѣренъ, что онъ ровно ничего не зналъ.

— Право не умѣю вамъ сказать, мистеръ Крокеръ; но такъ какъ вы уже выразили свое удивленіе, то не лучше ли вамъ возвратиться къ себѣ въ отдѣленіе и приняться за работу.

XV.—Это будетъ сдѣлано.

Долго стоитъ у насъ лордъ Гэмпстедъ въ гостиной Маріонъ Фай, послѣ совершенія своего великаго преступленія; тамъ же стоитъ и мистрисъ Роденъ, которая пришла навѣстить молодую пріятельницу почти тотчасъ по возвращеніи своемъ домой изъ долгаго путешествія. Гэмпстеду была извѣстна большая часть подробностей романа ди-Кринола, но Маріонъ пока ничего о немъ не слыхала.

— Вы такъ поступили со мной, что мнѣ самой себя стыдно, — были послѣднія слова Маріонъ въ ту минуту, когда мистрисъ Роденъ входила въ комнату.

— Я не знала, что лордъ Гэмпстедъ здѣсь, — сказала мистрисъ Роденъ.

— О, мистрисъ Роденъ, какъ я рада, что вы пріѣхали, — воскликнула Маріонъ. Гэмпстеду показалось, что Маріонъ радуется, что у нея явилась защита отъ дальнѣйшихъ необузданныхъ выходовъ съ его стороны. Сама бѣдняжка Маріонъ едва ли знала, что хотѣла сказать. Она не сердилась на него, но сердилась на себя. Въ ту минуту, когда она была въ его объятіяхъ, она поняла, какъ невозможны были условія, которыя она ему предпосала. Она много разъ говорила себѣ, что ея долгъ пожертвовать собою, но исполнила его только на половину. Развѣ ей не слѣдовало затаить въ душѣ свою любовь, чтобъ онъ могъ оставить ее, что онъ навѣрное сдѣлалъ бы, еслибъ она держала себя съ нимъ холодно, какъ этого требовалъ ея долгъ. Ей приснился глупый сонъ. Она вообразила, что на то недолгое время, какое ей остается жить, она можетъ разрѣшить себѣ наслажденіе любить и имѣла тщеславіе думать, что ея поклонникъ могъ быть вѣренъ ей и самъ не страдать! Жертва ея была неполна. Да, она сердилась на себя—но не на него. А все же его надо заставить признать, что онъ никогда, никогда болѣе не долженъ къ ней пріѣзжать. Душа можетъ предвкушать такую дивную радость; чтобъ насладиться ею хотя бы на минуту, можно пожертвовать спокойствіемъ, даже счастьемъ многихъ лѣтъ. Такъ будетъ съ нею. Онъ никогда не долженъ болѣе пріѣзжать...